

16 сентября 2020 года в Ленинградской областной универсальной научной библиотеке в рамках литературного клуба «Третья среда» прошла презентация 23-го номера журнала поэзии «Окно». В рамках презентации прозвучали опубликованные журналом в этом номере стихи томских поэтов Елены Клименко, Ольги Комаровой, Геннадия Скарлыгина, Сергея Максимова, Сергея Яковлева и Николая Хоничева в исполнении томича поэта Леонида Шелудько. Через телемост на презентации присутствовали любители поэзии из города Сланцы Ленинградской области.

ДВОЙНОЙ ЭФФЕКТ

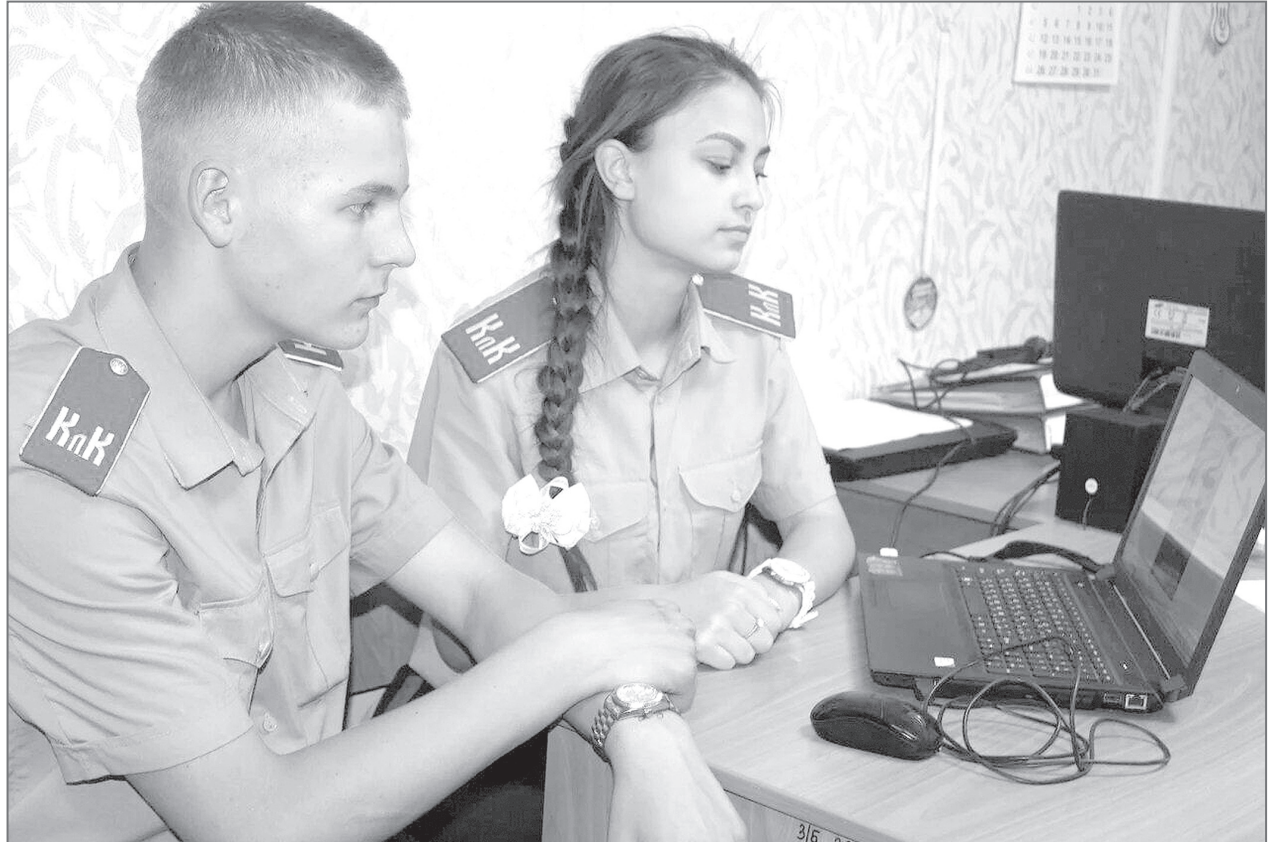
ПРОЕКТ «ПУТЬ ПАМЯТИ: ТОМСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ» НАБИРАЕТ МАССОВУЮ АУДИТОРИЮ

■ Геннадий Скарлыгин открывает проект.

В школах и библиотеках области проведение публичных мероприятий по-прежнему запрещено из-за пандемии. А ведь учащиеся и читатели библиотек – главные участники и выгодополучатели очередного (уже третьего) президентского гранта, выигранного Томской областной писательской организацией. Как быть в этой ситуации? Есть огромное желание донести до широкого круга жителей области, особенно молодежи и подростков, историческую значимость Великой Победы нашего народа в самой кровопролитной из войн, которую пережило человечество, а еще богатство литературного наследия родного края. Есть деньги, выделенные Фондом президентских грантов на эти благие цели. Но – суровые карантинные ограничения... Как их обойти?

Совместно с работниками Дома искусств решение было найдено. Сеть Instagram. Молодежная аудитория, огромное количество пользователей. Но как пойдет в этой среде патриотический писательский контент?

■ Колпашевские кадеты смотрят выступление писателей.

Благодаря креативному подходу исполняющей обязанности директора Дома искусств Мадины Гоголинской, методиста литературного музея Анастасии Корнеевой и конечно же мастерству и таланту томских писателей проекту президентского гранта удалось занять достойное место в молодежной социальной сети. Скупая статистика. За двадцать дней сентября виртуальные творческие встречи с томскими писателями, выложенные в Instagram, непосредственно в школах, библиотеках, техникумах и районных советах ветеранов организовано

посмотрело около 500 человек. И еще почти 3000 других пользователей социальной сети не только Томской области – со всей России, из других стран! Их число растет с каждой минутой.

По планируемому количеству участников проект президентского гранта, рассчитанный на девять месяцев, перевыполнен за три недели.

Если вас заинтересовал проект «Путь памяти», то тоже легко можете присоединиться к нашему сообществу, зайдя по ссылке: https://instagram.com/arhouse_tomsk?igshid=3pjxiure59f2

ИЗ НОВОЙ ТЕТРАДИ

СЕЛО ПОДНЯЛОСЬ КАРАВАЕМ

Елена КЛИМЕНКО

Созвездие шишек сменяет
созвездье ранеток.
А всё-таки лето, отличное бабское лето.
И сыплются с веток
плоды садового и фарт шишкобоя.
Созвездия разные, небо одно – голубое.

последний жёлтый лист
скользнул в карман
на память

Путешествие к Пушкину

Я сама стала финном и угром,
Заповедным покрылася мхом.
Нарисована сепией, углем,
Мастихином растёрта потом.

Надышалась небесным заливом,
Просветлела душой и лицом
И в метро персонажем знобливым
Проплыла под узорным мостом.

Из огня в польмя –
Неученый не-кот –
Возродилась для новых забот.

Прокурен итальянский дворик.
В нём вьётся дым, а не лоза.
Не приукрашенное горе
Омоет пьяная слеза.

Над охристостью старых зданий
Клубится патина бетона.
И гастарбайтер удивленно
Глаза вздымает к небесам
В порыве вещей пустоты
(или священного намаза).
И серых ангелов проказы
Не скроют редкие кусты.

листья встают на крыло,
чтоб усложнить прогноз,
чтобы не глядя вверх, предвещая мороз,
и не прожилками вниз, предвещая тепло.
листья хотят сохранить лицо
любой ценой

возможно, ты – просто кошка,
угнездившаяся в солнечном сплетении рук –
маленькая вселенная живого тепла

Село поднялось караваем
Над водами малых рек,
Протоками обнимая
Чёрствый просолённый снег.

Сыра земля поделена
Ножа броском.
Едва забрезжила весна –
Во двор бегом,
Где между луж идёт она –
Междоусобная война...

Светлячки да кашка – мелкие миры.
Многочисленные утлые дворы.
Но всяк народ здесь кровь и плоть
И не отрезанный ломоть.

Как лоскутное одеяло
Сибирское житьё-бытьё.
Здесь лихо в «ножички» играло
Чёрно-белое детство моё.

Сырость бродячей собакой
Входит в ещё летний двор.
Роется в мусорных кучах,
Тянет по ветру носом.
Август, облаянный густо,
Чешет кудрявый затылок.
Зимнего ёжика призрак
Чует за каждую клумбой.
Со сквозняком утекают
Краски, предметы и звуки.
Вот и пейзаж обезлюдел.
Лишь небеса разбухают
От многозначья прелюдий.

Мне не хватает пространных прогулок,
Мне не хватает громады молчанья,
Ветра с боков и листвы под ногами,
Глухо шуршащей, дороги случайной.

Между сторожек и вялых старушек,
Шатких заборов и куриц-несушек,
Кошка на крыше, герань на окошке –
Мне так нужны эти мелкие крошки!

Ты не попутчик мне в этих скитаньях.
Счастье ты видишь в домашнем покое.
Ты перепил, видно, крепкого чая,
Маковых снов и туманов Чикоя.

Я же так жажду бега окраинного,
Рядом в упряжке такого же – равного!
Но спутника нет. Есть суета.
И неисхоженная осень – не прожита.

Зимой беременная осень
Шла, зябко кутаясь в платок.
И дождик, морозящий косо,
Всех жизней подводил итог.
Слоились тучи дракиками серыми
И мусор глухо бился в волнолом.
Как трудно расставаться с верою,
Что счастье ждет нас за углом...

Спеленат ветерком прохожий,
Уютно дождиком облизан.
Зачем ему теперь свобода –
В гирлянду осени нанизан.
Пусть разноцветным арлекином
Поет про горы и долины
И веселится так удачно,
Вдыхая дымный воздух дачный.
Недолго уж ему осталось –
Лишь две зарплаты до зимы.
И зайчика костюм достанет
Для новогодней кутерьмы.

Я ПОМОЛОЮСЬ БЕССОННЫМ КЕДРАМ...

Томская писательская организация поздравляет с 70-летием Сергея Яковлева, желает ему здоровья и творческих успехов.

ОЖИДАНИЕ

Январский вечер в стареньком дому...
Давно побыть хотелось одному.
Гудит огонь. Плита раскалена.
Глядит в окно морозная луна.
Тугим узлом запутано житьё.
Спаси меня, убежище моё...
Что счастья нет, понятно и ежу...
И всё же здесь в себя я прихожу.

В янтарный час, при лунной полноте,
Приходят мысли — новые, не те...
Они теперь спокойны и тверды,
И с мёртвой точки стронутся труды.
Пока не нужен мне электросвет,
Я подожду таинственный привет...
Гудит огонь. Плита раскалена.
Глядит в окно душевная луна.

Вечерний стриж заводит пеньё
Или кукушка поутру —
В любую пору упоенье
Кудлатым кедром на ветру.

Им высота береговая
Как чья-то милость навсегда.
Себе утихнуть не давая,
Они зовут меня сюда.

И вот стою под хвойной тучей —
Все вздохи слушая, смотрю:
Реки пред нами бег текучий...
Мы ждём вечернюю зарю.

Когда ж её задует ветром
И соберусь идти когда,
Я помолюсь бессонным кедром:
Да обойдёт меня беда.

Заспанная заводь. Таянье звезды.
Тихо мглу относит в ельник от воды.

И сейчас услышишь даже во дворе:
Тяжело багульник пахнет на заре.

Но разгонит ветром сырость и дурман,
Жарко луг обсохнет, ярко и духмян.

Засмеётся заводь, вспышками полна,
Зазвенит моторка, побежит волна.

ВРЕМЯ

Был голос: разжимай
Тревог своих угрюмость, —
Черёмуховый май
Зовёт вернуться в юность!

И мыслил я в ответ:
Оно б не повредило, —
На кой мне столько лет?
Найду обратный след,
Где старость не бродила...

И только я подумал —
Уже цветёт ранет,

И жаркий ветер дунул,
И мая — нет как нет.

ХИМИЯ И ФИЗИКА

Учёный сводник спирта и воды,
Он даровал нам водку — Менделеев.
Похоже, он и сам свои труды
Благословлял не с помощью елеев.

Родная и проклятая она.
Недаром жить нам в трезвости внушают.
Но колы душа безвыходно больна,
Грамм двести ей отнюдь не помешают.

И вот уже, росисто заблестав,
Глаза цветут смелей чертополоха!
Меняйте свой химический состав,
Когда с тончайшей физикой всё плохо...

ЖДИ ОТВЕТА...

Он один-единственный на всех,
Он всегда еси на небесах —

Где-то там, где мысли наши мчатся.
Мы к Нему с молитвенной тоской,
Но, из пыли выпрыгнув мирской,
До Него не просто достучаться.

Дел Ему и так невпроворот:
Наказать зарвавшийся народ,
А другой — помиловать дарами...
В суете сует молчи о Нём
И, горя молитвенным огнём,
Жди ответа в келье, а не в храме.

Да, играют Свиридова... Чудо.
Этим чудом пылает мой дух.
Всё у гения взято — о т т у д а ;
И подобных не может быть двух.

Никакого на сердце нажима,
Лишь метельная сила крыла.
Воля вольная вдруг достижима,
Словно жизнь в небеса забрела.

Но земное земным остаётся,
Только что-то меняется в нём:
Это хаос на время сдаётся,
Опалённый всевышним огнём.

Эта искорка огня среди ночи...
Как не страшно ей одной в темноте?
Непогода завела песни волчи,
Воет-плачет о последнем листе.

Оголилась, покорила осина,
В двух шагах её теперь не видеть.
Только искорка огня негасима
И не может она жить перестать.

Одинокое окно, костерок ли? —
Чьей-то горестной душе не уснуть...
Глуби чёрные продрогли, промокли,
Но подсказывает искорка путь.

Тяжкий ветер, космы туч заплетающий,
Наземь грянулся и стал низовой.
Путник осени, во тьме заплутающий,
Ты держи на огонёчек живой.

Всё окажется прямой и короче,
Ты натрудишь свои ноги не зря.
Эта искорка огня среди ночи —
От неё и загорится заря.

ГРИГОРЬЕВНА

Зиму прожили в своей деревне и ни разу не видели друг друга. Но вот встретились вдруг в первый весенний день. Первое марта, разумеется, какая ещё весна, однако по календарю уже и не зима. Как бы там ни было, оба совершенно случайно очутились на одном сиденье в автобусе, отправлявшемся из райцентра последним рейсом в эту самую их Безьянку. Он пенсионер и она пенсионерка, с той лишь разницей, что его заслуженный отдых начинался, похоже, лет на пять раньше, чем у неё. Явно за семьдесят ему, а по её лицу старость ещё даже не расписывалась морщинами о своём прибытии. Однако про болезни, с которых быстро завязался разговор, начала именно она...

— Да я в больнице опять была. Пальцы у меня на ногах болят... По ночам прямо рвёт все суставчики. Да и днём ходить нестерпимо, не могу... Подагра.

— Инфекция, что ли, у тебя такая?.. — уверенно попытался он угадать.

— Нет, подагра... Обследование когда было — сказали. Соли, значит, в суставах откладываются, кристаллы даже там делаются...

— Конечно, я понимаю.

— Это потому что много мочевой кислоты, от неё и соль...

Пока автобус вырливал с территории автостанции, помолчали.

— А ты пошто здесь? — поинтересовалась она, когда уже поехали по улицам. И ему, словно дожидавшемуся этого вопроса, было приятно поддержать разговор. С философской неторопливостью стал поначалу рассказывать, в каких магазинах побывал, чтобы найти и купить электролампочку для холодильника. Перегорела на днях. Потом всё пошло по теме, что была задана подагрой. Что-нибудь и о своих болезнях хотелось поведать, но им он сразу отвёл второе место. А заговорил о Григорьевне, для которой заходил в аптеку за мазями и таблетками. Жена тоже давно мучается с ногами, не зная толком, чем болеет.

— Всё сама, сама, а улучшения-то нет...

О чём-то подумал про себя, что-то вспомнил... И как бы по памяти:

— Ну ляж ты, ляж в больницу! Всё тебя там как-то полечат. А что это дома — с мазями со своими? Нет, не хочет, ни в какую... Тропинка есть по двору, узкая, да ещё когда такая натоптанная — треугольная... ну, со скатами. Так три раза Григорьевна завалилась. Вот, уже в феврале...

— Ух, а снегу опять! Всю ночь с вечера шёл, — сказала она и глянула в окно, возле которого сидела. Там проплывали последние дворы с домами посреди ещё и не таявших сугробов.

— А я утром пораньше встал, выхожу... С крыльца ступил — чуть не по колени! До автобуса время есть, взялся за лопату. Много намело-насыпало... Больше часа управлялся, точно... Раньше мне разве тяжёлая это была работа? Дома уже, гляжу — колени аж распухли. А ехать надо. Так ещё успел машинку стиральную запустить. Прокрутил, всё развесил... Кошек накормил...

Автобус вдруг сильно дёрнуло, после чего едва не остановились. Но уже взвыла скрежещущим воплем коробка передач, и стали потихоньку снова набирать ход.

— Не хватало ещё, чтобы совсем заглох! С моей-то подагрой застрять. Катерина, соседка, недели две назад ездила... Так сломался мотор, наглухо. Еле дождалась, понамерзлись в автобусе, пока другой прислали. Сегодня-то на улице тоже не жара...

— Да-а, мы пенсионеры, и автобусы у нас пенсионеры, дряхлые. — Кивнул головой куда-то за себя: — Вон, видела? Заднее стекло монтажной пеной по щелям пролитое... Для утепления. А пыль-то летом и так найдёт, где пробраться.

Выслушала, тоже оглянувшись назад, но ничего не отвечала. Только вздохнула и опять повернулась к своему окну. За стеклом всё гуще пронеслись крупные хлопья снегопада. Половину пути уже проехали. «Пенсионер» держал довольно неплохую скорость, однако двигатель иногда начинал с такой тревогой стонать, что казалось — вот-вот помрёт. Вечерним сумеркам ещё было не время. Но вот внезапно, за считанные секунды, в автобусе потемнело, как ночью. Попали в настоящий снежный заряд. Ударил и ветер. Да так, что по всему салону сразу почувствовался сквозящий холодок. И тут уже быстро не помчишься: водитель сразу же переключился на самый тихий, осторожный ход. Дворники на лобовом стекле буквально разгребали безостановочно валивший пышный снег.

Общее молчанье воцарилось в автобусе. Во мраке говорить попросту не хотелось. Пассажиры даже не потребовали, чтобы шофёр включил свет. Впрочем, уже минут через семь «включилось» вдруг закатное солнце. С левой стороны, разогнавшееся за столами придорожных листовниц, прерывисто разливалось оно свои золотисто-оранжевые потоки. Погодка, по всей видимости, надумала к ночи разгуляться. И ехать осталось всего ничего. Уже, наверное, посматривает Григорьевна, сидя у окошка, на часы. Дом их совсем недалеко от остановки, и как раз в это окошко всегда — метров за сто

■ Творчество Сергея Яковлева обсуждается на совещании молодых писателей Томской области. Семинар поэзии. Руководители Василий Иванович Казанцев и Василий Дмитриевич Фёдоров. Лето 1971 года.

— хорошо видно подъезжающий автобус. Привезёт ей сейчас муж немного надежды в виде красивых многообещающих коробочек с «мазями». Будет натирать она плохо слушающиеся ноги, пить «до еды» или «после еды» таблетки. И в ответ на уговоры «ляж в больницу» в который уже раз будет лишь отнекиваться. Просто ли давний страх у неё перед этими больницами... Не верит ли она, что врачи хоть как-то сумеют её исцелить... Или одолевают и такие мысли, что вот — в больницу-то положат, а ей живой оттуда уж и не вернуться... Никому Григорьевна ничего не расскажет.